СОТВОРЕНИЕ МИРА

Just as the girl becomes a woman,
the blue sky turns into a starred firmament

Этой ночью задумчивый Бог
Тихо гладил запястья Вселенной,
Будто млечный шумящий поток
Пропускал по расслабленным венам.

И прохлада лилась острием
Сотней влажных отточенных лезвий.

Он расчесывал косы ее
Металлическим гребнем созвездий.

ПИАНИНО У МОСТА

Касаться первых лучей солнца
в пробуждающемся ото сна
Лопатинском саду.
Дышать пышным, полным прохлады и света
воздухом ранней осени.
Хранить внутри себя
Музыку,
медленно созревающую,
подобно тяжелым красным
яблокам
на запястьях ветвей.
Чувствовать, как она расширяется,
начинает давить на струны
и деревянные стенки корпуса
все сильнее и сильнее, причиняя
сладостные необъяснимые мучения.

С каждым днем все ближе холода,
и заботливые человеческие руки
собирают яблоки
в большие плетеные корзины.
В безмолвии золотого *Сада*
руки дотрагиваются до клавиш,
отпуская истомившуюся *Музыку*
на волю.
. . . . . .
Не изгоняй, Господи!..

***

Распиши потемневшую амфору
древней души.
Мой художник, на кончике кисти
ты держишь созвездья.
Я по ним возвращаюсь, как некогда
плыл Одиссей
На плоту по бессмертному морю
в родную Итаку.

У порога твоей мастерской
под ногами песок,
А внутри – ароматы холста
и ванильного чая.
На холодной спине я почувствую
вспышки огней,
Что срываются нежною осенью
с кончиков пальцев.

Я тебе расскажу о далеких
волшебных краях,
О скитаниях, странствиях вечных,
богах и героях.
Облегченно вздохнула теперь я,
найдя островок –
То зеленое пятнышко краски
на чистых манжетах.

Опадают неслышно песчинки
в огромных часах,
А за шторами теплятся
рыжие листья рассвета.
Там, где влажные губы твои,
мой находится дом.

Только вновь Одиссей
отплывает наутро с Итаки...

***

Старая дева тридцати пяти лет.
Шестнадцатилетняя девочка-подросток.
Ждущая малыша молодая девушка.

Дождь. В комнате включен свет.
Рассматриваю свое отражение на стекле
и вижу только тысячи капелек воды,
медленно стекающих к деревянной раме.
Разве существует женщина вообще?

В рукомойнике застирываю простынь.
Красные капли засыхают слишком быстро.

Скольких еще предстоит смыть в раковину?..

***

Акварельная бумага ноябрьского неба.
Кажется, кто-то случайно раздавил
ягоды мороженной с сахаром черники
и мокрой кистью размазал сок
по всему горизонту.
Картина растекается –
и начинается дождь.
Греческая статуя
молча созерцает происходящее.

Наступает новая эра.

В кабинет вбегает
преподаватель античной литературы,
промокший с головы до ног.
– Ну и ливень! – восклицает он
и, виновато, по-детски извиняясь
перед задолжниками,
пришедшими в третий раз
пересдавать «Илиаду»,
наливает себе горячий чай.

– Уж очень люблю черничное варенье, –
улыбается он, пряча в шерстяном шарфе
мраморную шею.

***

Потерять сероглазые облака,
Растворить их в складках льняного платья,
Укрывая бледные два соска
Под небесно-тонкой прохладной гладью.

Так алеют снега высоко в горах
На рассвете диком, цветном и юном.
«Ты дитя...» – и слова соленый взмах
Разбивает горечью нежно губы.

Потеряв сероглазые облака,
Ты запомнишь, как были они красивы,
И прикусишь язык со стыда, да так,
Что во рту почувствуешь вкус крапивы.

ЕВА

И навел Господь Бог на человека крепкий сон;
и, когда он уснул, взял одно из рёбр его,
и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог
из ребра, взятого у человека, жену,
и привел ее к человеку.

Бытие, 21-22

Бог создал тебя и создал фортепиано,
И были творения жилистых рук совершенны.
И было темно. И пахло прохладою пряно.
И ты засыпал на камне в ладонях Вселенной.

И было внутри молчание сплавленных звуков,
Молчанье людей и будущей Эры столетий.
Бог вынул ребро из корпуса черного грубо
И создал Жену, не тронув натянутой меди.

Вы были вдвоем под сенью огромного сада
И звёздную пыль сбирали с лавандовых склонов.
Но в той тишине не грел вас божественный ладан,
И дерево клавиш трещало в молчании томном.

Проснулись дожди. Под звуки бессмертной сонаты
Крошились раскаты соленого хохота мая.
В небесных ветвях дрожали ресницы заката.
Неслышно скрипела калитка забытого Рая...

СИРЕНЬ

Твой особенный запах с мороза
Я увидела в россыпи сна,
Расплетала пушистые косы
Мне раскидистых волн бирюза
И шумела, плескаясь ранимо
О шершавые выступы скал,
Омывала тоской молчаливой
Детских плеч золотистый причал.

Я бежала к тебе чрез море,
По солёной и горькой росе,
Просыпалась и видела только,
Как ты пишешь сирень на холсте.
Шёпот кисточек, таянье снега,
Эта нежность в суровых глазах,
Как лиловая ленточка неба
В одиноких терновых кустах.

Я порезала руки о тени.
Дотянуться губам до тебя –
Что до веточки робкой сирени
За разбитым стеклом февраля.

***

У меня однажды родится дочка:
Фантазёрка, охотница до открытий;
Скулы, ямочки, даже ушные мочки
Ей из камня высечет хмурый Фидий.

И она протянет навстречу руки –
Горький крест или земная плаха, –
Молча примет жизни стальные муки,
Но родится, чтобы услышать Баха.